

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

О РАЗБОРЕ ТРЕХ
СТАТЕЙ,
ПОМЕЩЕННЫХ В
ЗАПИСКАХ
НАПОЛЕОНА

Петр Андреевич Вяземский **О разборе трех** **статей, помещенных** **в записках Наполеона**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24502050

Аннотация

«Начав свои партизанские подвиги против Наполеона-завоевателя, автор рассматриваемой книжки продолжает их против Наполеона-повествователя. Он ловит его в некоторых отступлениях от истины, кои заметны в записках знаменитого изгнанника на остров Св. Елены, и сии отступления тем более автору нашему близки, что они относятся до действий партизанских в войне 1812 года...»

Петр Вяземский

О разборе трех статей, помещенных в записках Наполеона

Начав свои партизанские подвиги против Наполеона-завоевателя, автор рассматриваемой книжки продолжает их против Наполеона-повествователя. Он ловит его в некоторых отступлениях от истины, кои заметны в записках знаменитого изгнанника на остров Св. Елены, и сии отступления тем более автору нашему близки, что они относятся до действий партизанских в войне 1812 года. Русский автор первый обратил внимание начальства на пользу, которую могут принести военному успеху отдельные действия легкого войска, как свидетельствует о том известное письмо его к князю Багратиону: он вправе похвалиться, что с его легкой руки устроились партизанские отряды, нанесшие столько вреда победоносной армии Наполеона в России, и что ему обязаны как главною мыслию сего предприятия, так и некоторым блистательным успехом в исполнении. Вдруг оспаривают у него и у товарищей на партизанском поприще все их права на уважение и благодарность соотечественников. Наполеон несколькими строками записок своих поражает ничтожеством все

их дела и утверждает, что французская армия не догадывалась о русских партизанах и что они для нее как будто не существовали. «Слова, падшие с такой высоты, – говорит автор в опровержении своем, – не суть уже шипение раздраженной посредственности, столь давно преследующей партизанов наших, – это удары Юпитера». Чем обвинение важнее, тем оправдание необходимее, но тем и оправдывание затруднительнее. По нашему мнению, русский автор, побуждаемый любовью к отечеству и к истине, если хотят, даже и личным честолюбием, не только извинительным, но и похвальным в таком случае, хорошо сделал, что внял вызову противника, которого нельзя оставить без уважения, и решился по возможности отразить его удары. Способ опровержения им избранный, кажется, самый основательный и удачный. Из слов же Наполеона, из бюллетеней французской армии, писанных, как известно, им самим или под его непосредственным руководством, выписками из французских повествователей (свидетелей в этом случае неотложных) почерпнул он все свои доводы; не увлекался многословным витийством, но, по собственным его словам, «подводил статьи, противуречащие некоторым статьям, помещенным в записках Наполеона, писанных наобум, наскоро и без документов».

Предоставляя опытным знатокам военного ремесла судить о сей книжке в отношении военных соображений, в ней заключающихся, скажем, что и не военный может прочесть ее с любопытством удовлетворенным. Автор не упускает

случаев изобличить Наполеона в заблуждениях ему подлежащих, но и в самых горячих выходках сохраняет всегда вежливость и прямодушные рыцарские, не забывая должного уважения к врагу знаменитому, который, вопреки разности мнений политических, пребудет неизменно, в особенности же для воинов, предметом удивления. Нельзя вместе с автором не дивиться обмолвкам, вольным или невольным, Наполеона, и в недоумении должно согласиться с ним, что «притворство не имеет подобных порывов». Как бы то ни было, поправки нужны, ибо нет сомнения, что слова Наполеона не менее деяний его отдадутся в отдаленнейшем потомстве. Ныне события ему современные еще свежи в памяти нашей: многие из участников в шекспировской драме, коей Наполеон был главным автором, главным действующим лицом, а ныне отчасти и докладчиком, могут исправить ошибки, вкравшиеся в отчет игранным ролям. Желательно, чтобы пример, данный нашим автором, имел последователей во всех людях, находящихся в его положении, то есть во всех достоверных уличителях заблуждений Наполеона. Сии справки и показания войдут в состав материалов, коими новый Квинт Курций воспользуется для бытописания нового завоевателя, затмившего славу предшественника. Без сомнения, хорошая история современных событий будет первою книгою в мире: это будет не только книга, но событие и памятная эпоха в летописях ума человеческого.

Прадт говорил, что никто лучше г-жи Сталь не мог бы ис-

полнить этой задачи, которая, вероятно, долго еще останется неразрешенною. Согласен, но в таком случае г-же Сталь надлежало б быть русскою. Мне кажется, что только русскому, по крайней мере из европейцев, можно быть беспристрастным судьей и чистосердечным повествователем деяний Наполеона. Все другие народы, кроме нашего, более или менее, неудачами или успехами, лично замешаны в деле Наполеона: одни мы, когда дело дошло до личности, разочлись с ним благородно и начисто. Сношения наши с ним до 1812 года, более зависевшие от жребия войны, не имели ничего народного: каковы ни были последствия походов, но народное бытие оставалось неприкосновенным. Когда же Наполеон захотел иметь с нами, как имел с другими, дело дома, так сказать, в святыне отечественного бытия, то мы показали пример, как должно дорожить независимостью государственною, и, конечно, русскому историку Наполеона не нужно будет, при сей критической эпохе, для народного честолюбия кривить душою и прибегать к благовидным оправданиям, насильным союзникам дела не совершенно чистого. Здесь лучшие оправдания в истине обнаженной. Конец дело венчает, и мы в этом венке приобрели право не быть злопамятными. Как в частных, так и в политических отношениях вражда не оставляет по себе ненависти, когда не за что краснеть перед врагом.

Опомнясь, вижу, что, занимаясь партизанством, увлекся я и сам в партизанское отступление от главного предмета.

Прошу в том извинения у строгих методистов и кончу свой разбор несколькими словами о слоге нашего автора, уже известного блестящими опытами в слоге военном. Как в полевых действиях его, так и в самом языке Тугуты военные и литературные найдут, вероятно, погрешности непростительные, ибо для них успех ничего не значит, когда он не выведен из постановленных правил, а вспыхнул под внезапным вдохновением. Но для нас, охотно разделяющих ненависть Суворова, образ изложения мыслей, свойственный автору нашему, носит отпечаток ума быстрого и светлого: живость мыслей и чувств пробивается сквозь сухость предмета и увлекает читателя, которому недосуг справиться, наслаждается ли он в силу такой-то статьи и не достанется ли ему вместе с автором от журналиста, разбирающего книгу, как школьный учитель разбирает черновые тетради учеников и ничего перед глазами своими не видит, кроме деепричастий, местоимений, кавык и проч. и проч. Многим не под силу раздробить ядро мысли, и потому с алчностью острятся они об оболочку. Если в оборотах речей найдутся галлицизмы, то по крайней мере сабля, очинившая перо нашего военного писателя, чужда сего упрека и должна обезоружить неумолимую строгость Аристархов, которые готовы защищать наш язык от чужеземного владычества с таким же упорством и энтузиазмом, с каким наши воины обороняли от него нашу землю. Усердие похвальное! Пусть целостность нашего языка будет равно священна, как и неприкосновенность наших границ;

но позвольте спросить: разве и завоевания наши почитать за нарушение этой драгоценной целости? Не забудем, что язык политический, язык военный, скажу наотрез – язык мысли вообще, мало и немногими у нас обработан. Хорошо не затеивать новизны тем, коим незачем выходить из колеи и выпускать вдаль ум домовитый и ручной; но повторяю: новые набеги в области мыслей требуют часто и нового порядка. От них книжный синтаксис, условная логика частного языка могут пострадать, но есть синтаксис, но есть логика общего ума, которые, не во гнев ученым будь сказано, также существуют, хотя и не под их ведомством, и они часто оправдывают и признают произвольные покушения дерзости счастливой и со временем, как власти уже обдержавшейся, поработают ей ослушников недовольных и ропщущих.